

ART AKTIVIST

Журнал

Спецредакторы

Медиаотека

Сообщество

«Европейское кафе»: лекция Барбары Штайнер

Oct 5, 2012 1 847 Edit

3 сентября в баре «У» состоялась лекция Барбары Штайнер, руководителя проекта [Europe \(to the power of\) n](#).

Зачем нужно было затевать арт-проект о Европе?

Барбара Штайнер // источник: © n-europe.eu

Лена Пренц: Добрый день, меня зовут Лена Пренц, я являюсь куратором выставки «[На Захадзе ад Усходу](#)», которая открывается завтра. В подготовке мне помогают бывшие и настоящие студенты ЕГУ, так как одним из партнеров проекта является Центр изучения современного искусства при ЕГУ. Эта выставка рассказывает о нашей европейскости, о том, какие понятия мы соотносим с определением европейского – европейские стандарты, европейские ценности, европейское образование и т. д. – и как эти понятия воспринимаются с позиции художника чуть-чуть подальше от нас, на западе Европы. У этой выставки есть зонтик – большой европейский проект [Europe \(to the power of\) n](#), т. е. Европа разрастающаяся, Европа преумножающаяся, художественным руководителем которого является Барбара Штайнер. Сегодня она у нас в гостях.

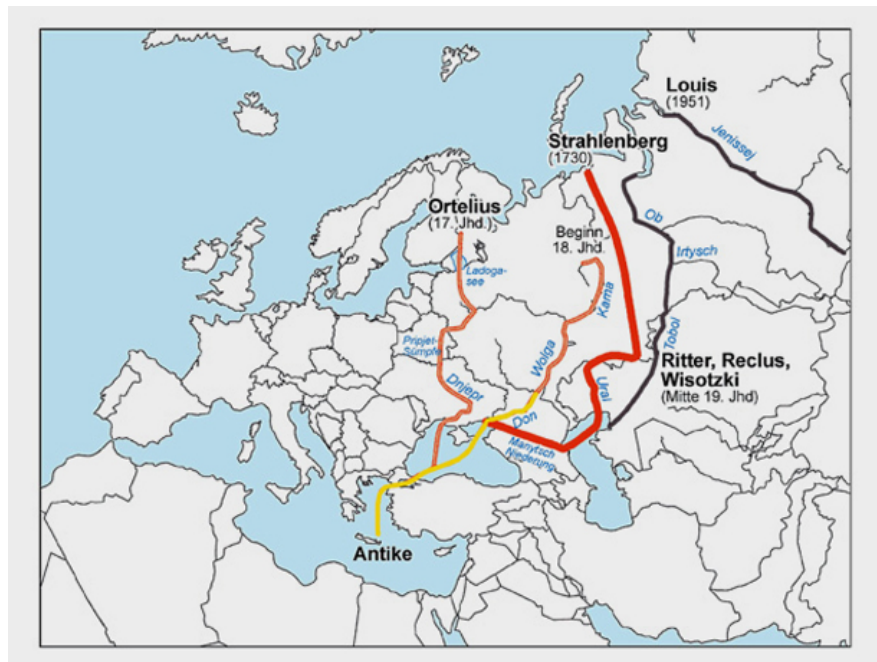
Барбара Штайнер – теоретик искусства и куратор. Она окончила Венский университет по специальностям история искусства и политология, возглавляла различные центры современного искусства в Германии, последние 12 лет руководила [Музеем современного искусства](#) в Лейпциге, возможно, одним из самых интересных музеев современного искусства в Европе. У проекта [Europe \(to the power of\) n](#) был пролог. Это была серия выставок «Сценарии о Европе», которые проходили в Музее в Лейпциге. Об этом будет доклад Барбары. Переводчиком выступит куратор и арт-менеджер Ирина Герасимович. Также отмечу, что эта лекция была организована совместно с «Европейским кафе» и его открытыми лекциями о современном искусстве».

РУБРИКИ

news обзор (6)
 активизм, закон, цензура (31)
 арт-институции (11)
 архитектура, охрана памятников (3)
 Без рубрики (1)
 белорусский авангард (5)
 гендер, феминизм, квир (23)
 дискуссии (9)
 заслуженный работник культуры (2)
 издания (11)
 институциональная критика (7)
 интервью (46)
 итоги (15)
 круг интересов (2)
 кураторское дело (3)
 лекция (7)
 манифесты, акты, декларации (7)
 материалы па-беларуску (16)
 международный опыт (26)
 некролог (3)
 общество (10)
 опрос (5)
 перформанс (5)
 письмо редактора (3)
 портфолио (4)
 реакции, наблюдения, тенденции (40)
 события, выставки (53)
 стрит-арт, публич-арт (10)
 текст художника (7)
 терминология (7)
 фотография (16)
 художники (38)
 школа критики (3)

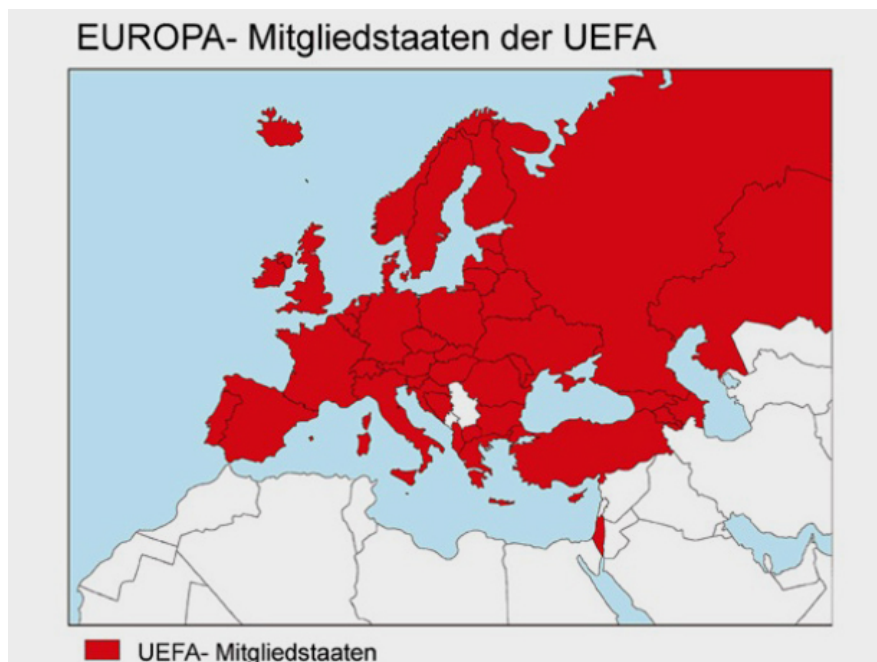
Барбара Штайнер: Здравствуйте, я рада, что имею сегодня возможность рассказать об этом проекте, который длится уже довольно долго и, по крайней мере, еще год будет продолжаться. Этот проект имеет сложную структуру. И выставка в кураторском исполнении Лены Пренц, которая откроется завтра, – это одна из частей проекта, о котором я буду говорить.

Какое-то время назад я получила приглашение от Института имени Гете (это самая главная культурная организации в Германии, которая занимается распространением немецкой культуры и языка в других странах). Эта организация, не давая никаких изначальных данных, пригласила меня сделать выставку о Европе. Самая большая сложность, с которой я столкнулась, – это, естественно, вопрос: что же представляет собой Европа сегодня? Где начинается Европа, где заканчивается, кто принадлежит к Европе, кто нет?

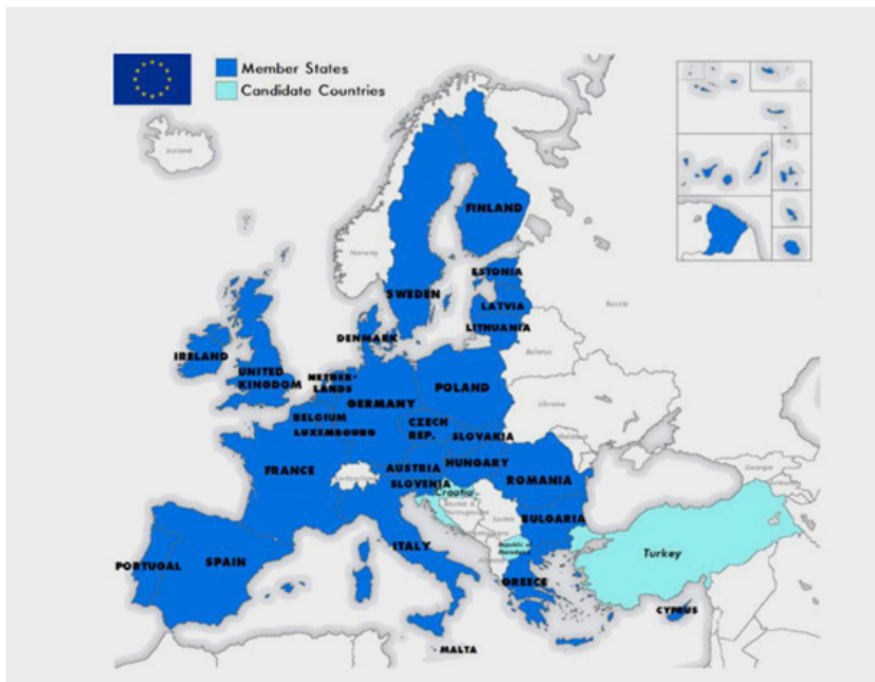
// источник: © n-europe.eu

На этом снимке показано, как на протяжении столетий менялась граница Европы. Так, можно увидеть, что восточная ее граница постоянно передвигалась все дальше на восток. В 18 веке она лежит западнее, чем, например, граница сегодняшней Европы, которая проходит по Уралу. Некоторые географы выступают за то, чтобы эта граница была отодвинута еще дальше на восток. А есть те, кто считает, что ее нужно вернуть на запад. Сегодня существуют различные конфигурации, относящиеся к Европе, которые накладываются друг на друга, частично не совпадают. Я хотела бы представить несколько примеров того, что называется Европой в разных контекстах.

// источник: © n-europe.eu

Первый из области футбола: это Союз европейских футбольных конфедераций, к которому принадлежат 49 государств, среди которых Россия, Казахстан, Азербайджан и Израиль. Другая карта отражает то, какие государства участвуют в конкурсе «Евровидение». Сюда входят Турция, Россия, Азербайджан, Израиль и Марокко. Но не принадлежат кавказские республики.

// источник: © n-europe.eu

Это карта Европейского союза, который насчитывает 27 государств. А эта представляет страны, которые входят в Европейскую конфедерацию профсоюзов. Последняя карта – это карта стран, входящих в Совет Европы. Если эти карты наложить друг на друга, мы получим территорию с рваными краями без четких ровных контуров. Но Европа не только внешне имеет рваные контуры. Европа – это образование, которое внутри себя отличается плюрализмом, неоднородностью и имеет массу противоречий.

Историк Жан-Батист Дюросель (Jean-Baptiste Duroselle) еще в 1965 году писал, что когда он слышит, как о Европе говорят как о месте, где господствует право, сам он в этот момент думает о произволе. Когда он слышит, как говорят, что здесь чувствует себя как дома человеческое достоинство, он вспоминает о расизме. Когда говорят о том, что это обитель разума, он вспоминает о романтических грезах. И, по его мнению, человеческое достоинство и разум – это то, что можно найти в разных странах мира. Это не исключительно европейская ценность. Бенгальский историк Дипеш Чакрабарты (Dipesh Chakrabarty) говорил, что расколотость Европы может рассматриваться позитивно, потому что благодаря ей возникли некие мыслительные категории и понятия, которые способствовали тому, что европейская гегемония была поставлена под вопрос и расшатана. Примеры, приводимые им, – это марксизм и либерализм, которые возникли в Европе, но были использованы в рамках антиколониальных движений по всему миру как способ освобождения стран от колониальных сил.

О взаимоотношениях Европы с другими странами мира я еще буду говорить. Сейчас я хотела бы отметить то, что меня интересовало в качестве исходного пункта, а именно это в высшей степени неоднородное бытие Европы, в определенной степени шизофреническое бытие Европы, ее неровные края. Есть прекрасная книга, которая называется «Мыслить Европу». Мы ссылались на эту книгу в нашей публикации. Ее автор, философ Эдгар Морен (Edgar Morin), говорит о том, что в Европе нет ничего, по отношению к чему нельзя было бы найти противоположного явления, которое также будет истинно.

Теперь конкретно о проекте: кто его участники, создатели, кто выступал в качестве кураторов.

Меня пригласил Институт имени Гете, и с самого начала мне было понятно, что говорить о Европе с некой одной перспективы невозможно. Сейчас я нарисую схему, чтобы объяснить это.

Барбара Штайнер // источник: © n-europe.eu

Это (*рисует*) центральное отделение Института им Гете, у которого есть масса филиалов в разных странах (*рисует*). В нашем случае речь идет о пяти региональных институтах и (я не знаю точное количество) нескольких локальных институтах, как, например, в Минске, который соотносится с региональным в Москве. Как я уже сказала, мне казалось неправильным говорить о Европе, исходя из одной перспективы, поэтому я искала коллег, которые работали в похожем направлении и уже делали проекты на подобную тему. Я пригласила Peio Aguirre, Kit Hammonds, Tone Hansen, Esra Sarigedik Öktem, Miško Šuvaković, Jun Yang, Ane Hjort Guttu, Filip Luyckx, Lena Prents, Jarosław Lubiak / Joanna – людей, работающих по-разному, имеющих различное образование, принадлежащих к разным поколениям. Так, возрастная разбежка была от 25 до 75 лет.

Важно было также и то, что всех их интересуют не исключительно вопросы эстетики и искусства, но и другие общественные области: политика, экономика, генетика, вопросы образования. Итак, я пригласила группу кураторов (*рисует*). Кроме того существует команда, которая занимается общими вопросами организации и проведения этого проекта в разных местах, коллеги, которые работают над визуальной идентичностью, например, наш дизайнер Оливер Климпель, и над так называемой пространственной идентичностью проекта. Есть также интернет-проект, связанный с нашим проектом, которым занимается пять человек (*рисует*).

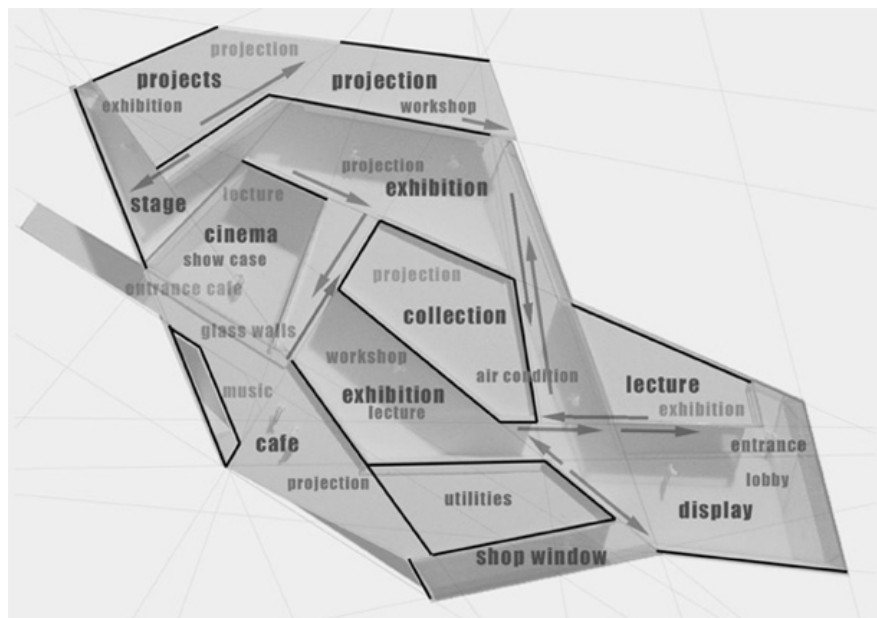
// источник: © n-europe.eu

Я озвучила много фамилий, но это далеко не все участники проекта. Люди, которых я пригласила, работали над этим проектом не в одиночку, они искали коллег. Например, в Польше куратор предложил еще двоих кураторов, которые теперь находятся в центре проекта. Все эти кураторы были приглашены

для того, чтобы сделать три следующих друг за другом сценария на тему того, как можно думать о Европе. В области искусства думать – значит практически размышлять. Вы видите, каждый из кураторов разработал три сценария. Соответственно, 10 кураторов и 30 сценариев.

Почему 30? Наверное, все знают фильм «День сурка», главный герой которого Фил Коннорс вынужден из раза в раз просыпаться в тот же день. Сначала он очень рад этому, он отдается всем возможным радостям жизни, отваживается делать то, на что раньше не решался. Но постепенно герой приходит в отчаяние, даже пытается покончить жизнь самоубийством. В результате он по-новому начинает расставлять приоритеты в своей жизни. В этом фильме для меня было интересно осмыслить феномен повторений, который я попыталась перенести в проект о Европе. Повторение не означает повторение без изменений. Изменения происходят, возникают ответвления, потому что прошлое обладает потенциальными возможностями, которые в какой-то момент не были реализованы. В отношении Европы это значит то же самое, как если бы мы рассматривали различные варианты развития событий в Европе и у нас была возможность что-то переформулировать, что-то исправить. Цифры – 1, 2, 3 – однозначно указывают на серию, то есть это проект, который может продолжаться.

Лена уже сказала, что этот проект начался в Лейпциге. Это был первый «сценарий». Почему в Лейпциге? Ведь этот город связан с Европой не больше и не меньше, чем другие города. На то были две причины. Первая причина – банальная: в то время я была директором Музея современного искусства в Лейпциге. Вторая причина не так банальна – это само здание Музея. Его особенность заключается в том, что оно обладает мобильными стенами, здесь невозможно создавать изолированные пространства, каждое пространство так или иначе будет связано с другим.

// источник: © n-europe.eu

Позже я еще вернусь к плану здания. А сейчас мне бы хотелось подробнее рассказать о сценариях.

То, что было реализовано в Лейпциге, – это некое абстрактное исследование возможностей. А дальше, уже на втором этапе проекта, в конкретных странах должны быть конкретно реализованы выставки. Это значит, что есть две части проекта: «сценарии» в Лейпциге и реализация «сценариев» с учетом культурной и локальной специфики того или иного места, в котором будет реализовываться выставка.

Теперь о том, почему выбран формат «сценария», почему, на наш взгляд, такой формат интересен для художников. Техника сценария используется в различных областях – политике, экономике, даже в исследовании климата – и означает, что мы можем размышлять и разрабатывать возможные пути развития, предполагать, как все это может выглядеть в будущем. Это в большей степени футуристическая, фиктивная конструкция. И это как раз то, что интересует художников: представить себе некие альтернативы тому, что существует. То, что художников вообще не интересует, – это определенные строгие методы, инструментов, последовательность и конкретность.

Был довольно большой спектр взглядов на то, что может быть сценарием, а что нет. Взаимоотношения между кураторами и художниками строились по принципу высокой степени открытости.

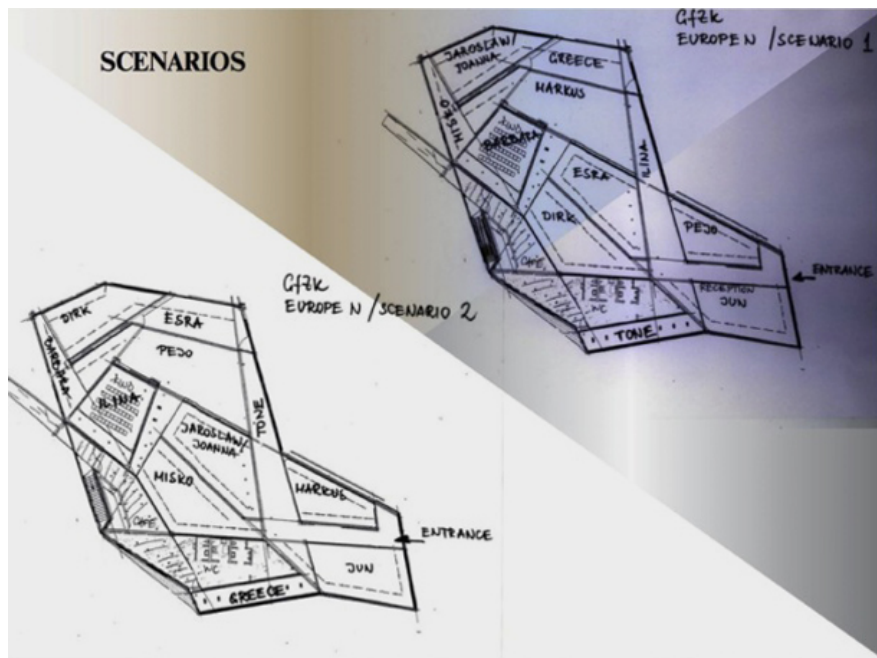
// источник: © n-europe.eu

Польский художник Янек Симон (Janek Simon), например, предложил сценарий «Польская миссия в Ауровиле», в котором он задавался вопросом, что случится, если польские художники, отличающиеся пессимизмом и мрачным восприятием действительности, на месяц отправятся в этот индийский город, в котором люди живут по законам гармонии и светлого умиротворения. Будут ли люди в этом городе заражены пессимизмом польских художников или, наоборот, польские художники, спустя месяц, вернуться домой в просветленном состоянии? Нужно сказать, что Симон в своем проекте подчеркивает, что пессимизм в Польше — это явление, которое можно обозначить, с одной стороны, как культурную технику, с другой — оно специально подчеркивается и культивируется художниками.

Еще один проект «сценария» предложила английская художница Мелани Джиллиган (Melanie Gilligan), которая разработала свое представление о будущем (нужно сказать, довольно мрачное). Она показала общество, в котором люди целиком и полностью подчинены потребностям капитала и все ориентировано на то, чтобы обслуживать эти потребности. Например, если человек не функционирует и не приносит пользу, то он не только исключается из общества, но под угрозой находится его физическое существование. Например, художница продемонстрировала специальные продукты питания, которые слишком толстых, ставших непродуктивными людей съедают изнутри, а если в таком обществе человек задолжал, то он должен отдавать долги своей физической энергией.

То, что у нас получилось, было очень неоднородно и гетерогенно, это отмечали и посетители. Но были темы, которые соединяли эти отдельные проекты между собой. Например, такие как сообщество, единство, формы организации совместной жизни людей, соотношение общества, сообщества и индивидуума и др. — все эти темы образовывали некую рамку для этого проекта.

Сейчас мы снова вернемся к зданию. Я говорила о его мобильных стенах, которые давали возможность, с одной стороны, создавать индивидуальные кураторские пространства, с другой, эти пространства постоянно вступали друг с другом в диалог.

// источник: © n-europe.eu

Здесь вы видите схему (показывает), на которой видно, как было распределено это пространство, здесь написаны имена кураторов, которые приглашали своих художников. Каждый раз деление пространства менялось, т. е., например, в первом «сценарии» оно не совпадало с распределением пространства во втором «сценарии» и т. д. Мобильные стены позволяли это делать. Важно, что из любой точки можно было видеть другие пространства. Т. е. автоматически возникало взаимодействие между различными художественными позициями, невозможно было отграничиться и изолировать себя. Каждый художник мог сам принимать решение относительно того, что он делает, но рядом оказывается кто-то другой. Это формат, который будет продолжаться на протяжении всего проекта.

Говоря о Лейпциге, речь идет о некоем общем проекте. И в рамках этого проекта у каждого были одинаковые организационные и бюджетные условия. Во второй части все не так однородно. Участники работают в разных условиях, здесь уже проявляется специфика места и те различия, которые существуют между различными площадками, на которых реализуется проект. Проявляются иерархии и асимметрии; возможности, которые имеет куратор на своей площадке, также разнятся. И играют роль политический, экономический, культурный контексты, которые трансформируют идею.

Завтра Лена будет представлять свой проект в галерее «Ў», и на примере ее проекта я покажу, как происходила реализация проекта в целом. Для реализации своего «сценария» в Лейпциге Лена пригласила троих художников – Александра Комарова, Юрия Шуста и Марину Напрушкину. В то же время, например, ее коллега из Стамбула Эзра работала с художницей из Японии Асако Ивама. Лена пригласила Асако в свой минский проект. Маркус Миссен и Феликс Фогель работали со шведско-норвежским коллективом Goldin&Seneb, Лена также взяла в свой проект их работу. Филип Лейк, бельгийский куратор, работал с художником Михаэлем Эртсом. Лена пригласила его также в Минск. Т. е. в итоге получилось три ее собственных «сценария» и три «сценария» других кураторов. Однако Лена все это расширила и еще пригласила к участию Сергея Шабохина и Андрея Ленкевича. Это принцип, по которому работает проект, и завтра это станет видно. По такому принципу работают все кураторы: например, Александр Комаров приглашен со своей работой в проект в Брюссель, Лодзь и Новый Сад.

Это значит, что существует перекрестные взаимосвязи между мной и другими кураторами, между кураторами и художниками – своими и из других стран. В итоге мы получаем сеть, в которую включаются и взаимодействия между различными региональными и локальными институтами им. Гете. Например, Эзра нуждается в поддержке и обращается в Институт им. Гете в Стамбуле, в Минске Лена обратилась к директору Франку Бауману и т. д.

Безусловно, играют роль и различия в тех городах, где происходят эти проекты. Делаем ли мы этот проект в тоталитарном государстве или демократическом, в большом или маленьком городе. Если мы делаем выставку в Лондоне, где яркая насыщенная культурная жизнь, то понятно, что привлечь на себя внимание будет нелегко. Но когда проект проходит в Новом Саде, то он будет иметь совершенно другой резонанс.

Момент финансовой поддержки из третьих источников, который существенно отличается в разных странах, также играет роль. Например, в Великобритании или Бельгии существует масса возможностей получить такое финансирование, в то время как в Сербии, Китае или Беларуси такие возможности ограничены. Интересно, что есть общий бюджет для реализации этого проекта, где каждый куратор получает одинаковую сумму. Но эта сумма имеет различный вес в разных странах, например для Норвегии это не очень большая сумма, в то время как для Сербии или Турции – значительная.

Различные города проекта о Европе интересны из-за своих контекстуальных и культурных особенностей, они создают многообразие в рамках проекта. То, что проект разворачивается на разных площадках в

разных странах, является неким вызовом представлению о единой, объединенной, неразделяемой Европе. Он отражает как то, что отдельные страны дистанцируются по своей инициативе от Европы (поскольку политическая независимость и автономия играют для них большую роль), так и то, что другие страны исключаются из общего европейского контекста со стороны тех, кто причисляет себя к европейскому сообществу.

Schedule

London: 17 July – 11 August 2012

Minsk: 4 September – 3 October, 2012

Łódź: 21 September – 21 October 2012

Istanbul: 19 October – 20 November 2012

Høvikodden / Oslo: 11 November 2012 – 10 February 2013

Novi Sad: 16 November – 2 December 2012

Brussels: 8 February – 31 March 2013

San Sebastián: 21 February 2013 – 24 March 2013

Beijing: 1 March – 31 March 2013

// источник: © n-europe.eu

Еще раз перечислю страны и города: это Лондон в Великобритании, Осло в Норвегии, Минск в Беларуси, Лодзь в Польше, Новый Сад в Сербии, Стамбул в Турции, Брюссель в Бельгии, Сан-Себастьян в Испании, Тайбэй в Тайване и Пекин в Китае.

Можно задать вопрос: почему для реализации проекта, в котором идея единства Европы критически осмысливается, выбран, например, Брюссель – знаковое для Европейского Союза место? Потому что в Брюсселе наблюдаются также и совершенно другие тенденции, которые присутствуют в прессе, дискутируются в публичном пространстве, – это критика ЕС. И за счет этого противоречия появляется интересное пространство для работы. С одной стороны, Брюссель неплохо живет благодаря ЕС, с другой, здесь присутствуют еврофобические настроения. Т. е. можно сказать, напряжение, которое существует в области единства Европы, имеет место в том числе и на пороге европейского дома.

Нас интересовала и идея единой, сплоченной, неразделенной Европы, которая представляет собой силу на мировой арене и которая исключает других участников, не принадлежащих к определенной Европе. И представление о взаимоотношении Европы с другими частями мира, а также представление о том, что Европа, чтобы удачно действовать на общемировой арене, должна быть единой и целостной для того, чтобы успешно противостоять участникам других процессов. И эти условные плюсы и минусы как раз являются такими точками, которые можно обсуждать.

Страны, которые я назвала, по крайне мере с какой-то точки зрения можно отнести к Европе. Но в проекте также участвуют, например, Китай и Тайвань. Можно сказать, что из определенной перспективы это даже не самостоятельные государственные единицы. Участие Китая в этом проекте – показательный пример. Если бы мы в 1950–1960-х делали проект о Европе и речь зашла бы о внешних взаимоотношениях Европы с другими странами, то, скорее всего, речь шла бы об отношениях Европы с США на западе и с СССР на востоке. Сегодня взаимоотношения Европы и Китая выставлены на всеобщее обозрение. Когда при подготовке этого проекта мы провели исследование по этому вопросу, то количество результатов по взаимоотношению с Китаем было намного больше, чем с другими странами. Он чаще упоминается в СМИ. Но это не только упоминания в прессе, это также взаимодействие с Китаем в разных сферах – политической, экономической, культурной.

Тайвань, это видно уже по территориальному соотношению, определенным образом ставит под вопрос эту самую проекцию Китая, которая предполагает, что эта страна представляет собой единый, монолитный, гомогенный блок. Тайвань является вызовом для этого представления. Точно так же в этом проекте Китай, как и другие места, становятся таким вызовом. И это благодаря участию Тайваня, которое не способствует тому, чтобы сформировалось представление о некоем центре, единой монолитной точке. Говорю о представлении, потому что на самом деле это точки – потому что ядра в принципе не существует. Взаимосвязь между Европой и Китаем не единственная, через художественные работы возникают также другие взаимосвязи с другими частями света. И то, что географически, казалось бы, находится на большом расстоянии друг от друга, если посмотреть более внимательно, находится ближе. Например, работа группы «Славяне и Татары» (Slavs and Tatars), в которой речь идет о шиитском похоронном ритуале. Можно спросить, какое отношение это может иметь к Европе? Это религиозный ритуал, связанный со смертью пророка Мухаммеда. Но теперь он проходит не только у шиитов, но практикуется в разных странах Европы, и это исследуют художники этой группы.

Или как в уже упомянутом примере работы польского художника, который создает взаимосвязь Польши с индийским городом Ауровилем. Подобные связи возникают у других художников с США, Мексикой, Израилем, Филиппинами. Это значит, что та Европа, о которой мы говорим, – это та Европа, которая

соотносится не только исключительно с самой собой, не представляет собой замкнутую систему, но строит взаимоотношения с миром. И это проявляется в том числе и в нашей печатной продукции.

// источник: © n-europe.eu

Например, здесь вы видите арабскую цифру 1 (*показывает*), это римская 2 и китайская 3. Дизайнером выступил Оливер Климпель.

Я уже ранее обозначила тот принцип, по которому функционирует проект: с одной стороны, есть индивидуальное рабочее пространство, с другой, работа в связке с другими участниками. Т. е. каждый куратор и художник были свободны в выборе того, что и где именно они будут показывать, но в то же время есть определенный набор форматов – визуальной и пространственной идентичности проекта, на которые следует обращать внимание. Я представлю сейчас только два таких момента – визуальный и пространственный.

// источник: © n-europe.eu

Так, Оливер Климпель разработал общий логотип – круг, в который вписано название проекта. Это очень простой знак, и он должен быть адаптирован ко всем проектам. Важно то, что эта форма также может использоваться в различных вариациях – дублироваться, четкие контуры могут становиться волнистыми и т. д. Таким образом подчеркивается нестабильность этого знака, сложно прочитывать однозначность этого знака, что можно перенести на Европу. Например, так (*показывает*) этот знак использовал лондонский куратор.

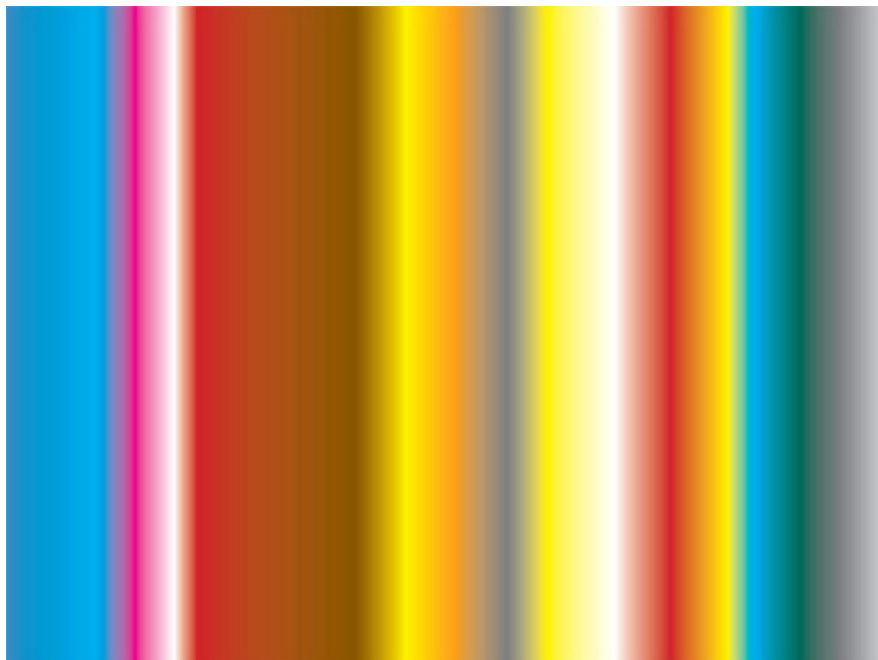

// источник: © n-europe.eu

А это то, как логотип выглядит в минском проекте, который адаптировал Юрий Шуст. Нам очень понравился его эскиз.

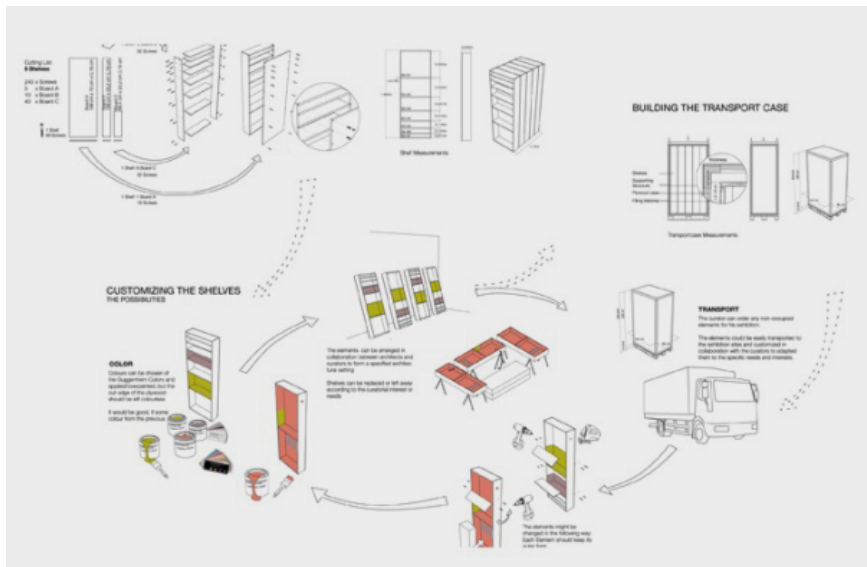
Это еще один вариант, как это будет показано в Лодзи. Все это значит, что между визуальными языками проектов возникают взаимосвязи. Есть еще целый ряд печатной продукции: значки, например.

Далее мне бы хотелось поговорить о пространственной идентичности. Кристиан Тэкерт (Christian Teckert) предложил связать ее со стандартизированными системами виртуального выставочного пространства, которые базируются на трех элементах – линия, цвет и трехмерные объекты. Линия всегда проходит на высоте одного метра. Вверху над этой линией плоскость стены закрашивается в цвет, входящий в спектр цветов музея Гуггенхайм, который разработал определенные цвета, связанные в их понимании с Европой. И Кристиан Тэкерт предложил использовать в экспозиции один из цветов так называемой «европейской палитры Гуггенхайм».

// источник: © n-europe.eu

Важно, что в каждом месте, где проходит проект, из одной и той же перспективы делается фотография этой линии с закраской стены поверху, затем все снимки будут смонтированы, и таким образом будет создано некое виртуальное пространство Европы.

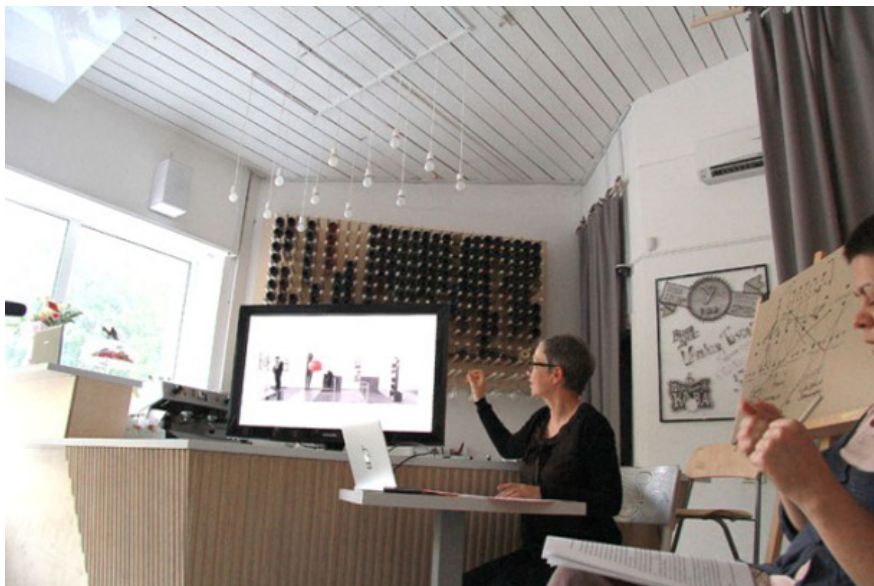
// источник: © n-europe.eu

Третий элемент – это трехмерные объекты на основании так называемого европейского поддона, размеры которого отвечают европейским железнодорожным стандартам. Из них можно сделать разные по применению объекты – стол, шкаф, полку – и послать из одного места в другое. Это пример (показывает) того, что было сделано для проекта в Лондоне. Вы видите линию, которая проведена от пола на высоте один метр, цвет и трехмерные объекты, в данном случае это полки, которые в дальнейшем будут использованы студентами Королевской школы искусств.

В Минске этих элементов нет. Мы не используем цвет и объекты, есть только линия на высоте одного метра. Лена пояснила, что в Беларуси типичные цвета «европейской палитры Гуггенхайм» – пастельные, голубоватые, салатные, цвета леденцов – и так широко распространены, и исключительной особенностью галереи «У» являются белые или насыщенных цветов стены. Можно сказать, что в Минске реализован самый минимальный вариант. От трехмерных элементов отказались, потому что подумали, что даже если мы их своевременно вышлем, не факт, что они придут вовремя. Это и происходит сейчас, например, с работой Михаэля, которая никак не пересечет границу. Поэтому отказ от этих элементов – это тоже определенное высказывание Лены Пренц по отношению к той специфике места, в котором она работает. Потом будет сделана фотография с белыми стенами, которая будет вмонтирована в общее виртуальное пространство.

На примере реализации пространственной идентичности в «У» становится понятной мысль о том, что визуальная идентичность, с одной стороны, – это нечто одинаковое и неизменное, что, однако, должно быть адаптировано к тому месту, где реализуется проект, чтобы проявлялись различия и вариативность этого проекта. И такое дизайнерское решение, на мой взгляд, функционирует и задает рамку того, что Europe (to the power of) n можно вполне транслировать во внешний мир как единый проект.

Вопрос, который возникает в связи с этим проектом: какой объем гетерогенности допустим для того, чтобы не была утеряна общая основа? Этот проект постоянно находится в рискованной ситуации, имея опасность разбиться на отдельные составляющие. Это связано с тем, что, с одной стороны, мы имеем дело с индивидуальным рабочим пространством, с другой, с некой заданной структурой. И очень важно держать этот баланс между концентрированностью на самом себе и некими обязательствами перед другими. Но когда я смотрю на эту схему, которую нарисовала, замечаю, что так или иначе эти связи с другими постоянно устанавливаются. Здесь нельзя говорить о некой самоцентрированности, так как все кураторы, хотя и в разной степени, используют возможность вступать в контакт с другими.

Лекция Барбары Штайнер // источник: © n-europe.eu

Важно также, когда речь идет о европейском проекте, обращать внимание на антагонистические права, которые находятся в противостоянии друг по отношению к другу, которые можно исследовать с точки их соприкосновения. Я постаралась создать такую концептуальную рамку, которая предполагает, что моя собственная позиция должна находиться под воздействием позиций других. И важно, чтобы были проговорены какие-то отличия в представлениях об одном и том же и чтобы начался поиск связей, точек соприкосновения.

Еще один вопрос: почему нужно говорить о Европе? По каким причинам нужно создавать художественный проект о Европе в том пространстве, которое все больше открывается другим культурам? В области политики и экономики речь всегда идет о конкретных мероприятиях, которые должны быть реализованы практически. Я думаю, что искусство может создавать некие альтернативные перспективы, исходя из которых можно иначе смотреть на политику и экономику. Художники, которые участвуют в этом проекте, перепроверяют, действительно ли является таким само собой разумеющимся то, что выставляется как само собой разумеющееся и таковым считается. Они перепроверяют мировосприятие, высказывают критику иерархических структур и асимметричных взаимоотношений, они требуют ответственности и ответственного отношения к собственным представлениям, они высказывают сомнения на счет того, действительно ли естественны те структуры и порядки, которые выставляются в качестве естественных.

Речь идет как раз о воображаемых проектах, фантазийных, служащих для того, чтобы представить то, чего на самом деле нет, и ввести это несуществующее в поле общественных дебатов. Я не думаю, что к недостаткам искусства можно отнести то, что оно не предлагает конкретных инструкций к действию. Я думаю, что это вполне можно рассматривать как некий призыв, предложение принять участие в этом поиске возможного образа действия.

// источник: © n-europe.eu

Эта картинка (*показывает*) – объект в общественном пространстве, где вы видите листок бумаги со словами по-французски: ностальгия по общему действу.

И последний вопрос: почему стоит говорить о Европе? Я думаю, Европа представляет интерес как мыслительная фигура, я думаю, что в Европе интересно начать мыслительные упражнения: как может развиваться совместная жизнь людей, чем может быть Европа, если под Европой понимать нечто большее, чем простое собрание индивидуумов? Как мы можем говорить о некоем «мы», которое, с одной

стороны, оставалось бы плюральным, с другой, не было бы эксклюзивным, исключаящим других? И Европа – это идеальный вариант, чтобы начать разговор на эти темы, потому Европа многообразна и плюралистична, потому что прошлое Европы сложно и имеет массу противоречий. И это прекрасная площадка, чтобы по-новому мыслить общество, которое открывается и вступает во взаимосвязи с новыми участниками.

Речь идет об интеллектуальных и практических упражнениях, которые помогают нам обращать внимание на разность, на многообразие, на границы и прийти к той общей форме организации, которая помогает нам не только мыслить, но и реализовать в практической жизни опыт инаковости.

Спасибо!

Иллюстрации к лекции взяты из презентации Барбары Штайнер. Строго для некоммерческого использования (the project is strictly non-commercial).

Оригинал лекции на немецком языке, а также визуальный материал можно скачать [ЗДЕСЬ](#).

// источник: «Европейское кафе: открытые лекции о современном искусстве» ©

Читать по теме:

Андрей Бусел: Aeternus et Momentum

Минск – это дикий паук

лекция международный опыт события, выставки барбара штайнер лена пренц
проект «европейское кафе: открытые лекции о современном искусстве»

Предыдущая публикация

Следующая публикация

1 comment

АЗИАТ
Oct 14, 2012

европааааа)))